

Владимир Свердлов

Не говори,
что время
быстро течёт...

Владимир Сverdлов
Не говори, что время
быстротечно...
Лирика, размышления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23141155

ISBN 9785448382925

Аннотация

...Он пел любовь, разлуку, грёзы, И даль, и вечность, звёздный ход, И детский смех, и девы слёзы, И трубы, что ведут в поход. И кто над строчками смеялся, С досадой пожимал плечом, А кто-то может устремлялся За ним в дорогу и потом, Сидя у тёплого камина И руки грея у огня, Как будто помнил мечты линии За занавескою дождя. («Он был поэт, хоть безызвестный». Владимир Сverdлов)

Содержание

Хранитель древностей	5
А звёзды в небе манят и блестят...	6
Хранитель древностей	7
Тот колокол в ночи	8
Стихи не пишутся во фраке...	10
Коснусь губами рук, склонюсь в немом поклоне...	11
Во времени я потерялся...	13
Память наша ли – наше проклятье...	15
Цезарь. Иды Марта	17
Гефсиманский сад	20
Танцовщица	22
Жанна Д'Арк	24
Тот, кто был предан – тот стал лучше...	26
Стихи в ночи...	27
Месть испанки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Не говори, что время быстротечно...

Лирика, размышления

Владимир Свердлов

© Владимир Свердлов, 2019

ISBN 978-5-4483-8292-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не говори, что время быстротечно...

Что предложить тебе могу, что дать?

Снега и выюги – в них замёрзла вечность.

А остальное – можно переждать.

Хранитель древностей

Под грузом прошлых дней мгновений
Рассохшийся стеллаж скрипит —
В забытом памяти музее
Хранитель древностей не спит

А звёзды в небе манят и блещут...

А звёзды в небе
 манят и блещут
И шепчут вздохами
 воспоминаний,
Как будто бы мне донести хотят,
Что прочитали в книгах без названий,

Смотря с высот небес на землю вниз,
Прислушиваясь к шелесту полыни,
Они мне шепчут – словно твой каприз —
О тех событиях, что когда-то были.

И вижу я сквозь время пелену
Дам на балконах, рыцарей с мечами
И с факелом, что разгоняет тьму,
Крадусь к тебе сквозь площадь в ожидании.

И по верёвке и в твоё окно
И с шпагами сойтись – клинки звенели...
Ах, это было в прошлом, так давно...
И вообще – мне это звёзды пели...

Хранитель древностей

Событья дней не умирают —
Лишь молча в сторону уйдут.
Снегами сердце заметают
И ночью в памяти всплывут.

Прошедшие обиды лечат,
Холст покрывают грунтом лет;
Ушедших дней бывшие встречи
Мазками пишут свой портрет.

В пыли картина не в проёме
Висит меж старых двух гардин —
Звук мне приснившихся гобоев
Храню я в памяти. Один.

Под грузом прошлых дней мгновений
Рассохшийся стеллаж скрипит —
В забытом памяти музее
Хранитель древностей не спит.

Тот колокол в ночи

Тот колокол в ночи,
Глухой, далёкий, тяжкий —
Над площадью пустой
Качнутся небеса.
И в темноте времён
За плотную повязкой
Как будто услышал
Неясны голоса.

Откройте эту дверь
За толстою решёткой —
За ставнями щелей
Затеплится свеча.
И задрожит струною, нотою короткой,
Бриллиантом у кольца
Забытая слеза.

Пустите меня внутрь,
Там, где огонь камина,
Где зимних жар углей,
Где тёплый пахнет хлеб.
Да, видно, опоздал:
Тот колокол повинный
На площади пустой

Не тот отмерил век.

Стихи не пишутся во фраке...

Стихи не пишутся во фраке,
Напудренный, при орденах —
В залатанном до дыр халате
И среди ночи при свечах.

Скрипит перо, летают мысли,
Свечи мерцает тусклый свет.
И словно призраки нависли
В углу, где чудится портрет...

Где тени бессловесно ходят,
Листает книгу где судьба,
Рука в волнении выводит
Ей продиктованны слова...

Наступит утро. Разметаёт
Обрывки из углов теней
И в мяты брюки залезает
Поэт, чтоб влиться в новый день.

Стихи не пишутся во фраке...

Коснусь губами рук, склонюсь в немом поклоне...

Коснусь губами рук,
Склонюсь в немом поклоне.
Наплечники – долой,
На шлеме – бел плюмаж.

И молча в этот круг
Вступлю и на балконе
Я вижу: над толпой
Её смеётся паж.

Приятно и легко
Они ведут беседу.
А здесь в клубах пыли
Лишь звон мечей стоял.
Они там высоко —
Паж празднует победу,
И свежие цветы
Ей под ноги бросал.

Наверх я взгляд поднял:
Она цветы держала:
Блестит бокал с вином;
И как стрела прошла —

Я в этот миг узнал,
Что хочет эта дама,
Но с вражеским мечом
Меня судьба нашла.

Коснусь губами рук.
Без силы – на коленях.
То ль рана от меча,
То ль сердца горький стон.

И, уходящи вдруг,
Мне вспомнились те тени,
Накидка на плечах
Да колокольный звон.

Наверх я взгляд поднял:
Она вино допила —
Среди своих подруг
Весёлое лицо.

Я крест нательный сжал
С оставшеюся силой:
В руке у пажы вдруг
Узнал своё кольцо.

Во времени я потерялся...

Во времени я потерялся.
Случайно не в ту дверь вошёл.
Я знаю: ведь я пел романсы
И серенады под луной.

Как будто бы средь менестрелей
Со старой лютней на ремне
В трактире нас с тобою грели
Угли в далёком декабре.

И меч тяжёлый в изголовье —
Двумя руками в полный взмах —
Кинжал предательский уронит
Разбойник, скрывшийся впотьмах,
И над обидчиком простёртым
Я руку властно протяну
В лицо в холодных каплях пота
В последний миг его взгляну.
И у костров, где пилигримы
На звёзды смотрят в тишине,
Пою о древних паладинах,
Любви, и вере, и мечте...

Во времени я потерялся.

В системе коридорных дней.
И выйти тщетно я пытался
В закрытую снаружи дверь...

Память наша ли – наше проклятье...

Память наша ли – наше проклятье,
Наша мука, немыслимый груз.
По ночам – тенью тёмного платья,
Или хохот безжалостных муз

И листает страницы бывшего —
И портрет на стене и глаза,
Звук когда-то забытого слова,
Чьи-то в комнате там голоса...

Тяжко давит на слабые плечи,
Грубо смотрит, скривила лицо.
И опять эти тихие речи,
И опять то блеснуло кольцо.

Память наша ли в пыльных чуланах,
Под тяжёлым замком сундуков.
Память наша – кровавая рана
С толстым слоем засохших бинтов,

Ничего чтоб: ни вздоха ни стона,
Ни строки старых, блеклых чернил...
И в безумном кручении снова

Ты боишься остаться один.

Шум пиров – чтоб ушли эти мысли,
Календарь, полон важных что дел —
Чтоб забыть, что горою нависли:
Не успел. Не сказал. Не сумел.

Цезарь. Иды Марта

Почему люди предают ближнего? Что должен чувствовать – не говорить, даже не думать – а чувствовать человек, предавший ближнего, когда остаётся один, а внутри – комок? А с другой стороны – жертва. И тут мы вспоминаем Гамлета. Мы все помним «быть иль не быть», но не этот вопрос мучает Гамлета, а тот, что идёт дальше – *«Быть иль не быть – вот в чём вопрос. / Достойно ль / Смиряться под ударами судьбы, / Иль надо оказать сопротивление».*

С каймой багряной плащ в моей руке.
На что иду, что встречу – всё я знаю
Тот прорицатель нищий, мне в толпе,
Открыл Богов сегодня предсказанье:

Про след кровавый на большой луне,
Про полный диск в ночи, про Иды праздник.
Ты, нищий, думал: Цезарь в стороне,
Там спрячется, как низкий соучастник?

Уйдёт, чтоб им облегчить торжество?
Чтобы быстрее забыть им это действо?
Я Цезарь, нищий! Имя пусть моё
Останется как память о злодействе.

Вот я в сенате. В лица им гляжу.
Глаза отводят. Страшно – что ж, понятно.
Пусть я не жизнью – смертью пригвозжу
Проклятье на их души безвозвратно...

Не бойся, Брут, тебе я помогу,
Ведь спас тебя. Ведь мы друзья с тобою.
Свои глаза с лица я отведу
И повернусь к тебе своей спиной...

Спасибо, друг. Удар я твой узнал.
Помог ты мне. Ведь жить с душевной раной —
Нет, невозможно. Вот я здесь упал —
На пол сената в тунике кровавой.

Мой рваный плащ набросьте на лицо.
Не для меня – для вас, чтобы смелее.
Чтобы забыть быстрее. И чтоб кольцо
Она сняла, щеками не краснея.

Я знал на что иду, куда приду.
Я Цезарь! Мне не надо ворожей.
Я знал, когда и где я упаду.
Я знал предателей, что выйдут из-за тени.

Остался жить я в имени своём.
Остался Брут, но так ли вы хотели?
Кровавый плащ. След на песке вдвоём.

И на щите я. А не липкой тенью¹.

¹ Иды марта в Древнем Риме праздник мартовского полнолуния. По современному календарю это примерно двадцатые числа марта. В этот день Цезарь был убит заговорщиками. Последним движением Цезарь поворачивается к Бруту и в этот момент Брут входит в историю. Брут был не просто другом Цезарю. Цезарь спас Брута в одном из сражений. Как, должно быть, было больно Цезарю получить именно этот удар... Иды Марта, возглас: «И ты, Брут!» – стали одним из синонимов предательства самого близкого человека.

Гефсиманский сад

Весь мир спасти... Или разрушить —
Планеты, звёзды, облака...

Зачем с изменою мы дружим,
Зачем обманная рука
В ночи, в тиши творит коварство?
Зачем нам с самых первых дел,
Шепча про призрачное царство,
Змий искушений в уши пел?

Зачем кинжал мы направляем
Рукою ближней, со спины,
Зачем мы стон не замечаем,
Клянясь с усмешкой, что верны?

Зачем кровавый след за нами,
Зачем костёр и там топор?
И ближнего мы распинаем,
Во тьме укрывшись словно вор...
И с первых дней и до последних
Звучит всё так же: «Где брат твой?»
И в кошельке монет звон медных
Всё чёрной тянет глубиной...

И продаём — держал кто стремя,

И убиваем – «И ты, Брут» —
Дороги те же в наше время
В сад Гефсиманский всё ведут.

Кто – за кольцо, кто – за похлёбку,
Кому – цвет жёлтого металл.
Мы сами продаём в охотку —
Нам ведь никто не приказал!

Мы сами – зла черту забывши,
Лицо закрыв, глазами в бок
От древа древнего вкусивши
Опять отравленный цветок.

И снова слышно, словно звуки
Там заблудились средь маслин:
«За что же, Господи, мне муки? —
Нести мой крест, покуда сил...»

И сад у каждого пред нами —
Далёк ли, близок ль впереди.
В сад Гефсиманский нам с делами
Всем предстоит с крестом взойти.

Танцовщица

На площади в парке девчонка кружится,
Мелькают застывшие, скучные лица.

В кругу – танцовщица: цыганские юбки,
Трико ли гимнастки, покрашены губки,
Монисты блестели, улыбки летали,
Каблук ли стучал по мощёному камню.

На кистях – браслеты, на пальцах – колечки,
Повозка стоит – лошадь в стёртой уздечке —
Старик ли с шарманкой, визжание ль скрипки
И шапка по кругу – монеты там липки.

Возьмёт ли её в замок барин ли старый,
Вельможа ль со скуки, иль граф вечно пьяный,
В трактир, может, пустит хозяин расчётный,
Иль юноша встретит – бедняк благородный.

Похитит горбун – раб надменного принца —
Хозяину было б с кем ночь веселиться
А после – с обрыва под полной луною,
Река где темна, сбросят вниз голову.

А может, одежды на сцене слетали

В ночном кабаре, серебро чтоб кидали,
И гостю в углу порошок из напёрстка
Подсыплет, хозяин кивнет когда жёстко.

Задушит барона ли сонного в спальне,
Кинжал ли омоет в предательской ране,
Сбежит ли с пажом, прихватив пару кубков,
Столкнёт кто с моста её в хмурое утро,

Продастся за грошик, за миску похлёбки,
Сомнёт в темноте кто-то с платьем ей блёстки,
Окончит ли дни свои в горьком забвеньи...
Ведь жизнь коротка – наслаждайся мгновеньем!

Танцуй, пока можешь, кружись в диком танце,
Обложка в блестящем с картинками глянце.
А что под обложкой – не думай, девчонка.
Там просто лишь жизнь, что стучит в сердце

ЗВОНКО

На площади в парке девчонка кружится
Мелькают застывшие, скучные лица...

Жанна Д'Арк

Я умираю из-за вас².
Мы встретимся перед Судьёю,
Увидеть чтоб метанья глаз,
Закрытых тщетною рукою,

Чтоб посмотреть в твоё лицо —
Надменным холодом и гордо
Оно светилося, как кольцо
Властителя сидело твёрдо;

Чтобы увидеть дрожь тех губ,
Что тихо шепчут оправданья,
И вспомнить, как со смехом, груб
Был приговор мне на закланье.
Я встречу вас перед Судьёй —
Нет, не земным – перед небесным.
Я выйду из-за тёмных штор
Свидетелем, пусть бессловесным,

Чтоб предъявить – одна за всех —
Дела, бесчестье и обманы.

² По легенде, когда Жанну Д'Арк сжигали на костре, она крикнула, обращаясь к епископу, который осудил её на казнь: «Я умираю из-за вас! Я вызываю вас на Божий Суд!»

И торжества когда-то смех
Вернётся вдруг... как наказание.

Как плата за дела твои,
Молчанье совести послушной.
Мы встретимся – там, у Судьи,
Чтобы проклясть твою мне душу...

Тот, кто был предан – тот стал лучше...

Тот, кто был предан – тот стал лучше,
Тот, кто был продан – стал мудрей.
Благодари врагов за случай
Признаться в верности своей.

Благодари врагов за службу:
Где нам терять и где найти?
Когда тебе вдруг очень нужно:
Кто сможет бросить на пути?

Враг не изменит, не обманет.
Враг будет верен до конца.
Твой лучший враг – он не устанет
Желать тернового венца.

А значит, делать тебя чище,
Добрее, глубже и умней.
Ты береги врагов, дружище,
Они надёжнее друзей.

Стихи в ночи...

Стихи в ночи. Скрипит перо.
Мерцает свет – там тени бродят.
В забытое в ночи окно
Ночные духи мне приходят.

Мелькают тени на стене,
Как будто мыслей дальних блики,
Что приплывают в тишине
Ко мне своей толпою дикой.

И в воздухе висят ночном —
Бесплотны, тихие, без крика.
И предо мной, ещё живом,
В кровавом зареве туника
Вдруг промелькнёт, как давний ход
Далёких мартовских событий.
Или платочек у ворот,
Или свечи дым позабытый.

И вспоминаю я дела,
Что не случились, не настали.
Но, словно мачты корабля,
Всё светят из туманной дали

Огнями Эльма вдалеке.
И вижу я душевным взором
Письмо – написано в тоске
С невысказанным мне укором.

Написано в ночи в огне
Душевных криков и стенаний,
И не отправленное мне —
Мной не полученных признаний...

Стихи в ночи. Скрипит перо,
Бросает кляксы на бумагу.
Приходят призраки толпой,
Чтобы исполнить ту присягу,

Что дали в прошлой жизни тем,
Кого злодейски убивали.
Скрипит перо. Ночная тень.
Что на бумаге – мы не знаем.

И утром встанем лишь со сна
И с удивленьем оглянёмся:
Что же болит так голова?
Микстуру – в ложку, чай напьемся,

Пойдём по важным мы делам —
Не опоздать, не промахнуться —
И не узнаем никогда:
Что призрачно и где б проснуться...

Письмо написано в ночи —
Непосланное, непрочтённо.
Угли, потухшие в печи,
Мне призраки несут подённо.

Месть испанки

I³

II

1.

Кинжал иль яд – вопрос теперь стоял.
Кинжал красив, кровав и драмы полный.
И давнее орудье мести дам,
Но яд – надёжней, тише и притворней.

Подать из рук старинное вино —
Бокал хрустальный, блеск свечей в глубинах,
И наблюдать с улыбкою, как дно
С глотками мелкими, как замок на руинах
На старых, вверх возносится, спеша...
Бокал любви подать... Чем хороша,
Чем нравится ей эта месть – коварством.

Как только мог? Как низко так посмел? —
И в этот час и под её балконом...
Нет. Это мало. Сердце жаждет дел
Кровавых, страшных, полных злобы чёрной.

³ А где же первая глава? Первую главу каждый может вспомнить сам: ведь что-то подобное происходило с каждым...

Кинжал старинный с лезвием прямым
Орудьем мести будет ей одним.

И завтра же, в тот самый поздний час,
Закутавшись в плащ тёмный с капюшоном,
Она, под аркой спрятавшись как раз,
Ждать будет двух влюблённых под балконом
Своим.

Но из двоих – кто первым должен пасть?
Он или она? Кто из двоих? Кто раньше?
Кому мгновенья ужаса ей дать,
Чтоб насладиться местью настоящей?

Она или он – вопрос теперь стоял,
Когда во тьме испанки взгляд блуждал...

2.

Нет. Это всё не то. Ей это слишком мало.
Или не дочь Испании она?
И страшну месть замыслила обману
С зловещею улыбкой у окна.

3.

Итак, кинжал. На завтра при луне
Испанки гордой совершится мщение.
Настигнет тех двоих и в тишине
Перед лицом коварного злодея,

Последний вскрик своих услышав жертв,
Она пронзит кинжалом своё сердце...
Вот это – месть, достойна королев,
Чтоб никуда от этого не деться,
Ни убежать, ни скрыться не могли:
Оставить жить, чтобы не отмолили
Они ту кровь, что пролилась на них,
Чтобы ночами духи приходили
И с хохотом, ужасным для двоих,
Их до утра терзали и казнили.

Вот это – месть! Она Испании дочь!
И со стены кинжал сняла и прочь
От окон, что предательство раскрыли,
Она шагнула, гордая собой,
Как будто в блеске королевских лилий
И с царским вензелем над смелой головой.

4.

Но дверь открылась и в тиши ночи
Мать перед ней с одной свечою тусклой
Стоит в рубашке длинной и молчит
И смотрит взглядом, любящим и грустным.

И не спросив, не даже посмотрев
На дверь балкона, что внутрь тьму пускала,
Где занавески, словно шёпот дев,
Струились водопадом, словно мало
Тоски тяжёлой под большой луной

(Боль сердца ведь не лечится земной
Рукой, лекарством или трав отваром,
Что собран был под звёздным тем пожаром,
Когда огонь скатившейся звезды
Вдруг повернул судебные ходы) —

5.

Стоит. Кинжал взяла из дочери руки.
На лезвие смотрела с долгим вздохом,
Как будто виделись ей тени у реки
И *том*, любимый, в ужасе глубоком
Пред нею, гордой мщением жестоким,
В грудь поражён, безжизненно упал.

И с смехом сбросила презренный труп с обрыва
Ногою вниз – спокойно и легко.
Она его так искренне любила
И всплеск реки раздался далеко.
И улыбнулась ласково и мило
Сопернице свой, чей вскрик в ночи
Уж сколько лет ей слышится в тиши,
Когда душа горит и пред тобою
Те призраки проходят чередою.

Ах, сладость мести! Тот волшебный миг.
И как сейчас ты помнишь этот крик...

6.

Но это в прошлом всё. Теперь же

Велит сурово, чтоб не быть надежде,
С восходом солнца дочери печальной
На юг, в той Андалузии, друзей
Где замок древний на холме туманном
В багряных бликах утренних огней
Стоит, не мешкая ни часа отъезжать.
И вышла, не забыв кинжал тот взять.

III

1.

На полках пыльных в тёмной тесной башне,
Где солнца луч, пробившись из щелей
Бойниц замшелых, поднимал горящий
Столб пыли, что хранил след старых давних дней,
Лежали прошлых дел во тьме забыты свитки —
Пергаменты, исписаны рукой
Монаха ли в разорванной накидке,
Купца-араба ль, ночью под луной
На корабле что плыл в далёком море
Средь тишины изменчивой волны...
Читала дочь Испании запоем
Чернил поблекших строчки старины.

И забывала хлеб простой душистый,
С собой в платке наверх что принесла,
И слышала как будто чьи-то мысли,
Что в этих свитках башня сберегла.

И раскрывались перед ней преданья:
Любовь, измена, слёзы и обман.
И, погружаясь в время, примеряла
Свои страдания к прошлого делам,
И слышалось как будто чьё-то слово,
И тот упрёк, и как бы вскрик в ночи.
Как будто направляла в путь героя,
Доносчику как будто жест: «Молчи!».
Как будто бы плела сеть прошлой мести,
Как будто отправлялась с кем-то в путь,
Предателя без совести, без чести,
Скривив лицо, кинжалом была в грудь...

И, торопясь, забыв про сон, читала
Событья без начала, без конца.
И жажда мести билась, клекотала,
И как-то утром, соскользнув с крыльца,
Она с холма спустилась, и стучала
Её рука в дверь старого купца.

2.

Старик-араб, из Африки прибывший,
Кто Гибралтар пересекал не раз,
Желал с семьёю грандов, славой бывшей
Гордился кто, хоть не было подчас
Там на столе достойного обеда,
Он породниться, чтобы не угас
Его безродный дух за кромкой света,
Чтоб титулы добавить как-то раз

К его простому имени, к деньгам;
Чтоб почитали дочь
Средь знатных Андалузии дам.

И был готов за дочкой дать награду:
Есть в сундуках и злато, серебро.
Немного некрасива, кривовата,
Лицом черна, но, в общем ничего.

О чём они с арабом говорили —
Не знаем мы. Не будем сочинять,
Чтоб вымыслом потом не подменили
Историю, чтоб нас же обвинять
Могли читатели правдивого сюжета,
Сидя в трактирах грязных до рассвета.

3.

И вот всё тихо, в тайне решено:
Потомок грандов, отпрыск благородный,
Красивый, юн, как свежее вино,
И славных предков именем кто гордый,
Кого любили девы без границ,
Готовые на всё за взгляд горячий,
Согласен в жёны взять из всех девиц
Одну...

И вот сургучные поставлены печати
На двух контрактах, убраны что в стол,
Чтоб посторонний глаз их как-то не нашёл.

4.

Она довольна. Только есть ещё
Одно ей дело, чтоб поставить точку,
Соединяя в мыслях горячо
Балкон, фонтан и ту араба дочку.
Одно осталось дело ей свершить
И после – в монастырь, святым в тиши служить.

5.

Ей нужно, чтоб соперница узнала
На что променяна она была и как.
Чтоб на несчастную как бы плита упала,
Чтобы платок отчаянно в кулак
Она сжимала, чтобы криком боли
Вдруг пробудились злобы псы в аду,
Чтоб встретились когда-то эти двое
За речкой на высоком берегу...

Но как ей новость донести, кто знает?
Кого послать в далёкий трудный путь?
Кто б взглядом впился, кто не пропускает
Ни бледность щёк, ни глаз внезапну муть?

Кого расспрашивать она потом готова —
Опять, опять, хоть и в полночный час —
Чтоб каждую деталь, движение, слово
Она бы видела как будто в первый раз,
Всё так же наслаждаясь, как в тот миг,
Когда соперницы раздался первый вскрик?

Ах, сладость мести! Это не понять
Тем, кто измены боль не смог узнать.

Послать пажа...

Нет. Это мало ей.
Ей нужно слышать крик
Соперницы своей.

IV

1.

В Иберии оливковых садах
Там, где столицы старой мощны стены —
Могилы две, забытые в веках,
И лишь пытливый взгляд ещё сумеет
На плитах цифры рядом разобрать:
Один и тот же срок там можно прочитать.

И если дать глоток вина и сыр
Привратнику с медалькою в петлице,
Расскажет он легенду, что забыл
Народ уже в покинутой столице,

О том, что в замке раздавался крик —
Крик боли и тоски – и следом смех жестокий,
И после шум, что сразу же затих,
И ночь без факелов. И в эту ночь в тревоге
Кружило с криком чёрно воронье,

И дверь, забытая, скрипела на пороге
И внутрь войти тогда не смел никто,
И конь стоял, весь взмыленный с дороги.

И долго помнил он, склонённый и седой,
Того идадьго, что всегда в молчаньи
В один и тот же час вечернею зарёй
Туда ходил, как будто в наказание...

Давнишние и старые дела
Привратника нам память сберегла.

2.

Ах, сладкий мести миг! Лишь тот его познал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.